

следней войны (а была она, если не ошибаюсь, в Люксембурге) я при одном только воспоминании о вас нанес такой удар, что все войско... Нет, больше я ничего не скажу. Ах, любезная дама, моя сладостная мечта, моя благая надежда, источник моей твердости, мое сердечко, душа моя!», «Увы, любовь!..», «Увы, когда б вы знали...», «В моей душе пылает жар», «Перетта, приходи скорей...», «От этого огня...».²⁷² «Как? Что я могу еще вам предложить, – прибавляете вы потом, – кроме самого себя, да ведь я и так служу вам верой и правдой, вы можете располагать мною, как собственной вещью, заклинаю вас, соблаговолите считать меня своим рабом и поверьте, что отныне число ваших преданных слуг выросло, и вы найдете в моем сердце любовь и решимость служить вам до гроба».

И вот после всех этих смиренных просьб да прошений на вашей слезнице снизу пишут: «Да ведь я вас совсем не знаю», – а сие надобно понимать так, что вам надлежит быть верным слугою еще года два, а то и все три, что вы и впредь должны вести себя, как одержимый, пока дама не убедится в вашем неизменном постоянстве и полной преданности. Но тут, как на грех, появляется вдруг человек более ловкий и решительный, нежели вы, он живехонько оттирает вас в сторону, и тогда-то начинается самая закавыка: вам скрепя сердце надобно обхаживать теперь этого пришельца, дабы вызнать его истинные намерения, но делаете вы все это, понято, тайком, напуская на себя безразличный вид, уверяете его, что совсем от этой дамы отделились, что она не стоит того, чтобы человек благовоспитанный уделял ей внимание, ибо она ко всем холодна и даже не думает вознаграждать тех, кто долго и бескорыстно ей служит. Однако во всех этих гордых речах сердце не участвует, и достаточно ей в один прекрасный день украдкой бросить на вас взгляд, приветливо кивнуть, улыбнуться уголком рта или просто позволить вам прикоснуться к краю ее платья, поднять с пола наперсток либо подать веретено, и вы уже считаете себя (так вам, по крайней мере, кажется) самым счастливым человеком на свете; а между тем стоит вам отвернуться, и она показывает вам язык, корчит за вашей спиной рожи, высмеивает вас с каждым встречным и поперечным, говорит, что вы, конечно, пригожий юноша, и ростом вышли, и статью взяли, и за столом сидеть умеете, да только человеком благовоспитанным станете еще не скоро, что, коли не помрете, то долгий век проживете, что манеры-то у вас, дескать, хороши, а пользоваться ими вы не умеете, и все в этом же роде, так что если б вы хоть одно ее такое словечко услышали, то тут же пошли бы да и удавились со стыда, понявши наконец, какое презрение она к вашей особе испытывает. Вот и имейте с ними дело после этого!

– Как же так получается?! – вмешался Паскье. – Вот я вас слушал, куманек, и все думал, к чему вы это рассказываете? Ведь эдаких волокит да молодчиков в наших местах и видом не видать, да и привечать бы их у нас нипочем не стали.

На это метр Юге отвечал, что он, дескать, просит прощения, но только он говорил, мол, о том, что ему доподлинно известно; однако ж он уже довольно порассказал и готов кончить.

– Ну и кончайте в добрый час, – подхватил Любен, – только допрежь скажите, как, по-вашему, должен бы браться за дело повеса, о коем вы поведали?

– По мне, – отвечал метр Юге, – ему бы надобно бросить все эти длинные и докучные разглагольствования, ибо они, по правде сказать, ни к чему не могут склонить даму; он бы гораздо раньше своего добился, коли ввернул бы вовремя нужное и приятное словечко да еще сопроводил бы его тем, что в кошеле носят, а без конца прислуживать да угождать к лицу разве только дурачине-простофиле. Ибо, сами посудите, ведь они, дамы-то, столько всяких ухажеров повидали, что те им уже просто глаза намозолили, и так они к своим обожателям привыкли, как осел привык на мельницу ходить; а еще, сдается мне, дам этих можно уподобить ослам, каковые обычно встречаются в военных обозах: такие ослы постоянно слышат брань да богохульство, а потому ухом не ведут и с места не трогаются, пока их как следует дубинкой не огреть, а уж тогда они мчат своих хозяев сквозь огонь, точно вязанки с хворостом. То же самое можно сказать и о нынешних дамах, – ведь они только потешаются, видя, как несчастный воздыхатель теряет всякую надежду, убивается, как он при одном взгляде на предмет своей любви меняется в лице и не знает ни минуты покоя; я бы так сказал: сии дамы держат в руках сердце обожателя и играют им по собственной прихоти, как это делает фокусник с картинкой, проворно вертя ее в руках. Зато, когда наш воздыхатель достает набитый деньгами красивый кошелек, запертые досель ворота распаиваются перед

²⁷² Здесь Дю Файль, видимо, перечисляет популярные в свое время любовные песенки.